

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ХРИСТИАНСКИХ АСПЕКТОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX в. В ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Статья выполнена при финансовой поддержке конкурса РГНФ (грант № 12-04-00337).

Рассматриваются некоторые актуальные аспекты изучения проблемы «русская литература XX в. и христианство» в 1990–2000-е гг. Анализируются методологические вопросы, связанные с конкретными принципами исследования христианских аспектов русской литературы XX в., с поисками новых парадигм в ее интерпретации, а также вопросы самого статуса научного литературоведения как достоверного знания. Статья опирается на современную критическую литературу и дискуссии по этим проблемам.

Ключевые слова: постнеклассическая эпоха; православный дискурс; модели интерпретации; русская литература XX в.

Статья обращена к вопросам изучения христианского пласта и христианских аллюзий в русской литературе XX в., а именно к методологическим проблемам их интерпретации и актуальным аспектам исследования.

Следует уточнить, что мы отвлекаемся от иных конфессий, которые присутствуют в мыслительном поле русской литературы, в частности от мусульманских и других восточных компонентов (индийской философии и т.д.). Конкретизируем, что под христианской проблематикой в рамках данной статьи подразумевается присутствие в художественных произведениях любых вариантов библейско-христианских (новозаветных) святоотеческих аллюзий, восходящих к каноническому претексту.

Постановка данной проблемы обусловлена двумя факторами: во-первых, тем, что к концу XX в. был опубликован основной массив отечественной словесности предыдущего столетия, так как до 1990-х гг. она была существенно редуцирована, особенно это касается литературы русской эмиграции. Во-вторых, начиная с рубежа 1990-х гг., публикуются, наконец, труды русских философов (собр. соч. В. Соловьева, Н. Бердяева, С. Булгакова, Б. Вышеславцева, В. Розанова и др.), что ведет к переосмыслению представлений о национальной духовной традиции, а также определяет возрастание интереса к изучению христианского (духовно-религиозного) аспекта русской литературы в целом. Таким образом, в течение последних 20 лет мы наблюдаем интенсивное изучение проблемы «литература и христианство». За это время много сделано для осмысления характера и особенностей функционирования христианских аллюзий в отечественной литературе.

В 1990-е гг. проблема «христианство и русская литература» стала предметом специального изучения ряда конференций, на которых были намечены основные подходы к изучению духовно-религиозной проблематики русской литературы и скорректированы представления советского времени об особенностях развития отечественной словесности [1–5 и др.].

В 1990–2000-е гг. наряду с проблемой интерпретации конкретных художественных систем выдвинулся и вопрос о методологических принципах изучения христианского дискурса в литературе нового и новейшего времени (XIX и XX столетий).

Особенностью изучения проблемы «христианство и литература» стало, во-первых, то, что оно началось

исследователями, сознание которых и сами знания в этой области были сформированы в советскую эпоху, что определило ряд сложностей при столкновении с новым предметом изучения. У исследователей появляется желание везде увидеть христианские основы русской литературы, вычитать их в текстах. Во-вторых, изучение указанных парадигм приходится на постнеклассическую ситуацию в литературоведении, когда утверждается ценностно-нейтральный характер научных исследований (множественность подходов и версий интерпретации). В гуманитарных науках интерпретатор находится не вне объекта изучения, а внутри него: он сам есть его часть, познающая целое. Такой подход вызван недостаточностью отстраненной объективной позиции, которая господствовала в неклассической науке (формальная школа, структурализм на ранних стадиях развития). Возникает вопрос: а сопряжено ли, и если да, то как, изучение конфессионального аспекта литературы с мировоззрением самого исследователя.

В современной ситуации актуализировался целый ряд вопросов историко-литературного и методологического порядка: а) проблема компетентности и корректности в интерпретации конфессионального текста в аспекте функционального использования претекста (христианской образности); б) проблема изучения отдельных художественных систем в связи с христианской проблематикой; в) необходимость уточнения и корректировки некоторых понятий, используемых исследователями. Для решения проблемы «христианская антропология и современное литературоведение» также важен вопрос об эволюции методологических подходов в изучении русской словесности от 1920 – к 2000-м гг.

Обратимся к трем, с нашей точки зрения, важным и вместе с тем дискуссионным проблемам: во-первых, национальная духовная традиция и литература XX – начала XXI в.; во-вторых, типология русской литературы XX в. в аспекте ее связи с христианством; в-третьих, к вопросу о богословском и научном литературоведении.

Проблема духовных основ русской литературы и ее целостности (единства) была поставлена в статьях и монографиях И. Есаулова «Категория соборности в русской литературе» (1994) [6] и «Пасхальность русской словесности» (2004) [7]. Исследователь выдвигает идею глубинной связи русской литературы и христиан-

ства, указывает на «христосоцентризм» отечественной словесности как ее генетическую составляющую: произведения древнерусской литературы «отчетливо христосоцентричны», они соединялись с литургической практикой (вплоть до XVIII в.) [8. С. 254]. По мысли исследователя, духовные основы русской литературы выявляют себя в разные исторические эпохи по-разному. В XIX–XX вв. духовная составляющая проявляет себя как прямо, так и имплицитно («авторской, духовной, этической и эстетической ориентацией»). Этим отчасти объясняются максималистские этические требования к герою литературного произведения русской классики: они намного строже, чем в западно-европейской литературе того же периода. Глубинная, тесная и никогда не прерывающаяся связь с Новым Заветом – вот главное, что «конституирует единство русской культуры в целом» [8. С. 254]. В логике развития мыслей исследователя на конференциях и в публикациях новейшего времени была предложена идея широкого понимания христианства в русской литературе. Христианский дискурс понимается как одно из проявлений христианской цивилизации и культуры, к которым принадлежит Россия. Это предполагает не ее связь с религией в церковно-бытовом облике, как в литературе X–XVII вв., а разговор о человеке в свете тех ценностей, которые являются для христианства основными, т.е. речь идет о христианском подходе к человеку и всем тем событиям, в которых он участвует.

Признавая справедливость многих идей И. Есаулова, отметим, что некоторые его положения требуют уточнения и конкретизации. Думается, что глубинная связь русской литературы с христианством имеет отношение все же к более ранним векам ее развития, чем к новому этапу XX–XXI вв. В последние два столетия это лишь одна из линий в развитии отечественной словесности. В рамках этого направления действительно создано значимое в национальной литературе как культурно-семантическом целом (Н. Гоголь, М. Лермонтов, Ф. Достоевский). Вместе с тем уже в XIX в. «христосоцентризм» как духовная (религиозная) основа русской литературы потеснена другой тенденцией, объективно существующей, которая сопряжена с уходом от религиозной составляющей, как, например, в творчестве А. Грибоедова, И. Тургенева, А. Островского, М. Салтыкова-Щедрина, Л. Толстого, А. Чехова. Тем более это имеет отношение к XX столетию: если предмодернизм и модернизм Серебряного века представляют собой варианты обновленного христианства, то вся советская литература (1920–1970-е гг.) и, конечно, постмодернизм второй половины XX в. выражают принципиально нерелигиозное сознание. И понятие «христосоцентризм» вряд ли к ним применимо.

Важно то, что в корпусе текстов русской литературы XX в. христианская традиция не исчезает, хотя она и потеснена иными мировоззренческими парадигмами; она «мерцает» в единичных феноменах общего корпуса литературы XX столетия (например, И. Шмелёв, Б. Пастернак, Д. Андреев, А. Ахматова). Характер развития русской литературы первой и тем более второй половины XX в. свидетельствует, что в ней выражено атеистическое мировоззрение (А. Твардовский, В. Шукшин и др.). В литературе второй половины XX в. зача-

стую представлены иные ценностные парадигмы, маркирующие утрату абсолютов и отказ от их поиска, в них часто выражено ироническое мироотношение. Ценности русской культуры формируются не только в рамках православной словесности, хотя это один из стержневых моментов национальной культуры. Атеистическая тенденция тоже определяет важные смысловые и аксиологические акценты русской литературы.

Иное дело, что проблема человека в ситуации между «есть Бог и нет Бога» остается актуальной и для русской литературы второй половины XIX в. и XX столетия в целом. Только русская литература (по сравнению с западно-европейским контекстом) так интенсивно и напряженно ищет абсолюта, ищет ответы на эти вопросы, как, например, Леонид Андреев в ситуации порубежной эпохи и крушения прежних ценностей, что обусловлено спецификой его мировосприятия («Иуда Искариот», «Жизнь Василия Фивейского», «Дневник Сатаны»). Только русская литература так болезненно переживает ситуацию отпадения человека от Бога в поисках иных ценностей. С этой точки зрения особенно характерно творчество А. Платонова, которое можно прочитывать на уровне героев и автора как сложнейший внутренний диалог между традиционными религиозными ценностями и новыми марксистскими идеями, которые искренне пытаются усвоить и герои, и повествователь прозы писателя. Следует отметить, что в XX в. получают развитие сложные художественные системы, которые отражают обостренное противостояние двух мировоззрений – религиозного и атеистического.

Обратим внимание, что литература русской эмиграции первой волны, особенно молодое поколение, становление которого происходит уже вне России (В. Набоков, Г. Газданов, Б. Поплавский и др.), оказавшись в иной социокультурной и духовной ситуации, сразу утратила эти болевые вопросы, не свойственные для западной ментальности. Однако старшее поколение сохранило (Д. Мережковский) или обрело (Б. Зайцев) религиозные горизонты мышления.

Обратимся ко второй проблеме. На конференциях 1990–2000-х гг. была подчеркнута необходимость обновления литературоведческой методологии. Образовался круг исследователей, занимающихся проблемой «русская литература и христианство» (А.М. Любомудров, В.А. Котельников, Л.И. Бронская и др.).

В рамках продолжения этих дискуссий в современном литературоведении предпринята попытка создания типологии русской литературы XX в. в ее соотношении с христианской национальной традицией. Само это стремление понятно, оно объясняется мировоззренческим и эстетическим разнообразием литературы предшествующего столетия, а также вызвано необходимостью скорректировать термины, встречающиеся в критических исследованиях. На конференциях и в публикациях при изучении духовных основ русской литературы сформировалось достаточно устойчивое понятие – «православный дискурс» (термин введен А. Любомудровым), или «святоотеческая традиция».

Л.П. Егорова, автор методического пособия для студентов о научной методологии современного литературоведения, вслед за видными филологами и культурологами справедливо поднимает важный вопрос о

необходимости отделения православного дискурса от пограничных и смежных с ним явлений, отражающих секуляризованное мировоззрение русских художников последнего столетия [9]. В корпусе национальной словесности XX в. она, наряду с православным дискурсом, выделяет еще два других потока литературы, с точки зрения их связи с христианством: во-первых, атеистический («нехристианский») дискурс; во-вторых, антихристианский дискурс. Поясним подробнее.

Православный, или «святоотеческий», дискурс непосредственно сосредоточен на вопросах православия. В этих произведениях у верующего автора и героя-протагониста есть «живое ощущение бытия в Боге» (М. Дунаев). Сошлемся на замечание современного исследователя по отношению к творчеству Ф. Достоевского: «Православие представляет такую параллель к Достоевскому, без которой духовная природа творчества последнего не может быть понята во всей полноте» [10. С. 179]. В текстах с выраженной православной тенденцией ставятся проблемы бытия Божия, бессмертия души, греха и совести и т.д. В XX в. в таком ракурсе могут рассматриваться единичные произведения: повести Б. Зайцева («Сергий Радонежский», «Анна»), романы И. Шмелёва («Лето Господне», «Богомолье», «Пути небесные»), поэзия русских религиозных философов (стихи С. Соловьёва, поэма «Оро» П. Флоренского).

Выделение двух других разновидностей литературы XX в. в связи с христианством тоже не вызывает возражения: атеистического (нехристианского) дискурса и антихристианского, насильственно-богоборческого (В. Маяковский, Д. Бедный, комсомольские поэты 1920-х гг. и т.д.).

Сомнительно то, что в концепции Егоровой как близкий христианскому рассматривается атеистический текст советской литературы. Исследователь отмечает, что опыт русских писателей Нового времени (советская литература) свидетельствует о сохранении в их художественном мире досекуляризованных представлений о личности, что определяет структуру персонажей и авторское освещение их духовного существа. В произведениях советской литературы разговор о человеке ведется в свете тех ценностей, которые являются для христианства основными. Тексты советской литературы, по мысли исследователя, сохраняют связь с постулатами христианства, пусть и искаженными: любовь, вера, милосердие, брак, семья [9. С. 214–217]. Если вспомнить историю, то именно они в постреволюционную эпоху подвергались разрушительным атакам. Между тем исследователь утверждает, что «в советской литературе сложился «уникальный *секуляризованно-духовный дискурс*», который существует как вариант духовной литературы. Все это формирует в конце XX и начале XXI в. особую ситуацию возвращения к традиционным ценностным парадигмам, хотя и на другой мировоззренческой основе [9. С. 216].

Хотелось бы уточнить ситуацию с советской литературой. Вспомним, что с начала 1920-х гг. теория нового искусства резко отмежевывалась от классики: появились прогнозы о новом искусстве как «безбожном», идея бессмертия души была объявлена «мертвечиной». Эта линия была ведущей в «формовке советского писателя» (Е. Добренко) в 1930–1940-е гг.

Более того, в советский период отрицалась или крайне упрощалась даже классическая традиция литературы XIX в., которая в полной мере выразила гуманистические ценности национальной культуры. В 1920-е гг. по отношению к ней в литературных документах и директивах были сформулированы два основных подхода: первый – радикальное отрицание (Пролеткульт, РАПП, ЛЕФ). Вторым принадлежал группе «Перевал» и подразумевал преемственность с «освобождением от реакционных элементов» [11. С. 64–65]. Новая литература, даже в варианте наиболее демократического критика А. Воронского, теоретика группы «Перевал» [12. С. 396–406], опиралась на внешние пласты классики, а не на ее сущностные элементы. Исключением была программа «Серапионовых братьев». В процессе идеологического управления читательским сознанием и аудиторией художников в целом в 1920-е гг. формировалось настороженно-отчужденное отношение к ценностям, воплощенным в произведениях русской классики; под подозрением оказались уникальность человеческой личности, личное счастье, семья, деятельная любовь к ближнему, прощение и благодарность, нравственное очищение, «тайная свобода» [11. С. 216]. Мы наблюдаем кардинальный разрыв с христианскими ценностями русской литературы XIX в. Достаточно вспомнить тот факт, что из вузовских учебников по истории русской литературы с 1930-х гг. были изъяты многие произведения русских писателей XIX в. (например, «Бесы» Ф. Достоевского и др.).

Одним словом, литература социального реализма (социалистический реализм) и в своем дальнейшем развитии усваивала русскую литературу XIX в. чисто внешне, ориентируясь на изображение действительности в ее революционном развитии. Также большинство ее исследователей, которые много говорили о традиции, понимали ее формально и внешне, опуская основное смысловое ядро. Эти подходы развивались в художественной практике советского времени и в литературоведении многих десятилетий. На филологических факультетах не изучалось творчество С. Есенина, Н. Клюева, М. Цветаевой, Н. Гумилёва, О. Мандельштама и др.

Следует отметить, что советская литература прорывалась к общечеловеческим ценностям в отдельных произведениях еще в 1930–1940-е гг. и более широко в 1960–1980-е гг. (например, онтологическая проза В. Белова, В. Шукшина, В. Распутина, В. Астафьева и др.). С этой точки зрения, показательна, например, эволюция творчества М. Шолохова. В его «Донских рассказах» (первая половина 1920-х гг.) ярко выражен классовый гуманизм, или «пролетарский гуманизм». В «Тихом Доне» (1940) существенно меняются представления писателя: утверждаются идеи милосердия, добра, всепрощения, значимости любой человеческой жизни. Вместе с тем духовный мир личности в «Тихом Доне» Шолохова следует рассматривать в рамках общечеловеческих ценностей, а сам писатель остается выразителем атеистического сознания.

Важная проблема, которая поднимается в дискуссии о духовности русской литературы XX в., это вопрос о статусе (квалификации) неорелигиозных исканий художников Серебряного века в аспекте их связи с христианской парадигмой. Творчество поэтов начала столетия часто связано с богоискательством, как, напри-

мер, у символистов (В. Соловьёв, В. Брюсов, А. Блок, А. Белый, Вяч. Иванов и т.д.). Вместе с тем философско-эстетические искания многих художников сопряжены и с их увлечениями эзотерическими, оккультными, масонскими идеями, которые присутствуют в поэзии Д. Мережковского, М. Волошина, Н. Гумилёва, М. Кузмина, позже у Д. Андреева. Это поэты и мыслители, часто взыскующие «Третьего Завета», что, по мнению некоторых исследователей (А.А. Ворожбитова, Л.П. Егорова), является «неоеретичеством» и глубоко чуждо религиозности, даже если там выражено и христианское мировоззрение [9. С. 214].

С нашей точки зрения, есть основания говорить о трех типах дискурсов в рамках проблемы «литература XX века и христианство». Они ни в коей мере не охватывают все тексты, а существуют лишь как некоторые очевидные тенденции. Во-первых, правомерно выделять святоотеческую традицию (как устоявшуюся в литературоведении), в основе которой находится христианское мировидение автора; во-вторых, нерелигиозный дискурс (советская литература в ее разных модусах); и, наконец, тексты, которые следует рассматривать в рамках мифопоэтической парадигмы. В широком смысле мифопоэтический дискурс создан на основе античных, языческих, старообрядческих и христианских мифов. Мировоззрение авторов в таком случае может развиваться как в русле собственно религиозных исканий, так и в парадигме мифопоэтики как мощной традиции мирового искусства, при которой христианский миф стоит в одном ряду с другими мифами как общекультурными феноменами. Религиозные символы здесь могут сохранять духовные смыслы, но могут обрывать и исключительно эстетическое значение.

Приведем пример. В русской литературе XX столетия сквозным является сюжет распятия Христа. Он развивается, варьируясь, в произведениях первой и второй половины века: в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1940), в поэме А. Ахматовой «Реквием» (1935–1963), в романе «Доктор Живаго» Б. Пастернака (1955), в романах Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей» (1975) и Ч. Айтматова «Плаха» (1988). Христианская образность в приведенных текстах имеет различную функционально-семантическую наполненность. Поэму Ахматовой, как и романы Булгакова и Пастернака, можно назвать христианским дискурсом (хотя и не святоотеческим), так как там выражены неорелигиозные искания их авторов, что особенно очевидно на фоне советской литературы 1930–1950-х гг. (А. Фадеев, К. Симонов, К. Федин, В. Панова, Ю. Бондарев, А. Твардовский и др.). Произведения Ахматовой, Булгакова, Пастернака следует рассматривать в рамках мифопоэтической парадигмы, библейский сюжет в них выполняет религиозно-эстетические функции. В реалистических романах Домбровского и Айтматова выражено нерелигиозное сознание, использование христианских источников призвано здесь решать исключительно нравственные вопросы.

Справедливо, с нашей точки зрения, утверждение, что использование христианского претекста может быть как проявлением глубокой веры (например, у А. Ахматовой), так и эстетическим качеством (М. Цветаева) [9. С. 206], а может, добавим, иметь богоборческое значение (В. Маяковский).

Обратим внимание, что в конкретном анализе необходимо учитывать эволюцию творчества отдельных художников. Так, например, очевидна христианская составляющая романа М. Булгакова «Белая гвардия», проявляющаяся как в системе персонажей, так и в авторском повествовании. Что же касается романа «Мастер и Маргарита», то он может быть истолкован лишь в рамках мифопоэтики, там контаминируются разные духовные традиции (гностицизм, христианство, масонские идеи, средневековые ереси и т.д.). Неслучайно именно он вызывает наибольшие разногласия у исследователей и альтернативные суждения.

В рамках мифопоэтической парадигмы следует рассматривать и творчество художников неорелигиозного сознания: В. Соловьёва, Д. Мережковского, И. Анненского, А. Блока, Ф. Сологуба, А. Белого, Л. Андреева, М. Пришвина и др.). Все это – варианты русского предмодернизма и модернизма, в которых происходит переосмысление традиционных религиозных (православных) представлений, но одновременно выражено неприятие и позитивистских взглядов на человека и его место в мире. Русские философы и близкие к ним художники-философы расширили представления о трансцендентном (божественном и дьявольском), развили учение о Софии, ввели концепты Эроса и Танатоса. «Еретический» компонент в их концепциях, с точки зрения ортодоксальной церковности, подразумевал сложный путь их духовных исканий, в их собственной рефлексии – поиски путей обновления христианства. Перечисленные выше и неназванные художники Серебряного века органически связаны с христианскими исканиями русской мысли, восходят к ним по происхождению (Вл. Соловьёв, А. Блок, Б. Пастернак и др.).

В дискуссиях 1990–2000-х гг. наметилась полемика между теми, кто отрицает как положительный фактор причастность героев русской классики к христианской основе бытия, и теми, кто приветствует принадлежность произведений к христианской духовной традиции. В вышеупомянутой классификации Л.П. Егоровой тоже присутствует оценочный компонент независимо от конкретного желания исследователя. Ведь поиски «секуляризованного» христианства в атеистических текстах советской литературы и есть признание религиозного сознания как чего-то более высокого по сравнению с атеистическими представлениями о мире.

Нам хотелось бы подчеркнуть равноценность атеистического и религиозного мирозерцания, которые сами по себе не обеспечивают эстетической ценности литературы. Нехристианское сознание существует в XX в. как непреложный факт, с ним связаны открытия русской литературы XX в. Назовем прозаиков русской эмиграции – И. Бунина, В. Набокова, Г. Газданова, с одной стороны, и художников советского и постсоветского времени, с другой – А. Битова, Ю. Трифонова, В. Маканина. Процесс разделения духовного и светского в логике национально-го развития был не случайностью, а глубинной закономерностью историко-культурного процесса в России, что убедительно показано в монографии И.В. Кондакова «Введение в историю русской культуры» [13]. О христианской же парадигме, на наш взгляд, правомерно вести речь только тогда, когда автор обладает религиозным мирозерцанием, т.е. наделен верой в Божественное

происхождение мира и человека, в наличие надстоящего над миром начала. В литературном процессе советского времени формируется действительно религиозная парадигма художественного мышления. Например, в 1930–1950-е гг. развивается творчество Даниила Андреева, художественная аксиология которого противостоит советскому дискурсу, в полном смысле слова атеистическому и секуляризованному (в ракурсе мировидения). Поэт полемизирует с советской литературой как смысловым и аксиологическим целым, противопоставляет выраженной в ней концепции человека христианскую антропологию и вместе с тем продолжает развитие неохристианской традиции Серебряного века.

Обратимся к третьей интересующей нас проблеме. Сегодня можно говорить о дифференциации двух типов литературоведения. Это «светское», или научное литературоведение, и богословское литературоведение. В последнем русская литература изучается с позиций религиозного мировоззрения самого интерпретатора. Наиболее характерный пример – шеститомное издание профессора Московской государственной академии М.М. Дунаева «Православие и русская литература». Богословское литературоведение развивалось и ранее, однако в советское время существовало вне зоны внимания отечественной науки, оно обрело новый статус и стало «легальным» лишь в 1990-е гг. [14]. История его развития – это особая проблема, заслуживающая самостоятельного изучения. В 1990-е гг. взрыв интереса к религиозной сфере русской классики породил целый ряд исследователей из академической среды: В.С. Непомнящий, И.А. Есаулов, И.Б. Роднянская [15. С. 361–366] и др.

Формы мышления «религиозной филологии» и ее подходы к литературе вызывают широкие дискуссии в среде литературоведов [16. С. 585–600]. Однако следует отметить органичность развития богословского литературоведения в современной ситуации, так как в 1990–2000-е гг. расширились границы русской литературы за счет публикации таких произведений, как духовная поэзия и проза русских классиков (Г. Державин, Н. Гоголь), религиозных произведений XX в. (Д. Андреев, В. Максимов, А. Солженицын и др.). Исследователи религиозного направления владеют на ином уровне знаниями канонических текстов, в чем имеют безусловное преимущество. В своих исследованиях они с должной настойчивостью проакцентировали церковно-славянские аспекты художественных произведений, мотивы и образы Библии, т.е. выявили святоотеческую составляющую литературы. Вместе с тем конфессиональный критерий как главный и единственный инструментальный, используемый ими, вряд ли может быть ведущим при анализе художественного текста и художественной системы писателя, эстетические задачи оттесняться задачами теологическими.

Проблема расхождения научного и богословского литературоведения заключается в выявлении христианских аспектов русской литературы, но еще более – в их истолковании.

Методология религиозного литературоведения наиболее полно выражена в учебнике М. Дунаева «Православие и русская литература», где анализируется русская словесность XX в. в аспекте ее соответствия православному канону. Автор учебника предлагает

принципиальный методологический подход к изучению истории русской литературы, который оспаривается современными литературоведами.

Такой подход к литературе, где ценностью обладает только соответствующее православному канону, противоречит самой природе художественного образа. Отказ от понимания природы эстетического ведет к сужению предмета искусства и влечет его унификацию. Автор исходит из следующего положения: «Литература как составная часть культуры имеет генетическую зависимость от религии, и поэтому русская литература обладает для православного сознания ценностью лишь в той степени, в какой она опирается на полноту Истины Христовой...» [17. С. 863]. В учебнике раскрывается история русского православия, реализованная в национальной культуре: от древнерусской словесности с глубоко религиозным содержанием к отступлению от него в XVIII в. – эпохе Просвещения, затем вновь к возобновлению интереса у славянофилов, хранителей самобытной религиозности, с одной стороны, и к отказу от христианской традиции у революционеров-разночинцев, западников – с другой, что в XX в. привело к формированию новой безбожной религии советского государства. В концепции автора учебника секулярное сознание русской литературы, начиная с XIX в., вносит главный соблазн – идеологию гуманизма, т.е. самообособление человека, «сознание им себя самодостаточной ценностью бытия вне связи с Творцом». С этой точки зрения, Серебряный век определяется как время духовного падения искусства. Тем более это имеет отношение к советской литературе. И даже ее высшие достижения, в силу их гуманистической идеи, не принимаются автором. Приведем характерное высказывание о романе М. Шолохова «Тихий Дон»: его автор является «типичным гуманистом», «он воспринимает и оценивает мир по меркам отвлеченной нравственности, источник которой невнятен» [17. С. 147]. Кошунством по отношению к православию является советская литература. Но не менее опасен, по мысли автора учебника, и роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита», противостоящий, как известно, советской идеологии. В логике исследователя он имеет «антихристианскую направленность», так как в нем «пародийно принижен облик Спасителя, превращенного волей автора в немощного бродячего философа, мечтающего о переустройстве земной жизни», а Воланд предстает как активная положительная сила, «гарант устойчивости миропорядка». Поэты О. Мандельштам и Б. Пастернак не сумели преодолеть «присущий им антропоцентричный тип мирозерцания». Таким образом, вся история русской литературы XX в. отразила вовлечение народа в «антиправославное апостасийное пространство» [17. С. 877, 880]. В подобных рассуждениях нельзя не выделить глубокого понимания христианской парадигмы русской литературы, но здесь очевиден и отказ автора от реального взгляда на развитие историко-литературного процесса. Вряд ли можно считать негативным явлением усиление антропоцентрического начала у М. Шолохова, у «шестидесятников», гуманистические ориентиры которых на фоне классовых ценностей были прорывом к духовной свободе (хотя и не в православном понимании).

В XX в. получают развитие сложные художественные системы, обостренно отражающие противостояние двух мировоззрений – религиозного и атеистического, которые

следует объяснить, вскрыв глубинные закономерности в логике развития национального самосознания культуры. Следует учитывать, что русская литература XX в. выражает философско-углубленное понимание самой проблемы антропоцентризма (философской концепции человека) в контексте всего пласта философии культуры, в том числе ее новых течений, возникших в XX в. (интуитивизм, психоаналитические концепции неотрейдисма). С этой точки зрения, рассмотрение русской литературы XX в. в рамках христианской традиции не всегда достаточно, так как обедняет ее. Таким образом, в мировоззренческой позиции исследователя во многом находится нерв дискуссии о «духовности» русской литературы. Наличие двух моделей исследования, т.е. противоположные трактовки одного и того же художественного феномена, спровоцировали вопрос о статусе нашей науки [11]. Литературоведение – такая же наука, как и науки естественно-математического цикла? Или у него особый статус? Почему в ней имеет такое значение личность исследователя, его мирозерцание по отношению к предмету изучения?

Разрешение этих проблем отчасти находится в русской религиозной философии, в которой, во-первых, соизмеримы теологический аспект и внимание к человеку (антропоцентризм). Именно русские религиозные философы XX в. (Н. Бердяев, Н. Лосский, Б. Вышеславцев, Л. Карсавин и др.) способствовали тому, чтобы литературные шедевры истолковывались сквозь призму философско-антропоцентрических исканий (работа Н. Бердяева «Откровение о человеке в творчестве Достоевского»). Богословское и эстетическое здесь не противоречат, а действительно дополняют друг друга. Во-вторых, русская религиозная философия выступает необходимым контекстом для интерпретации и осмысления многих эстетических картин мира в русской литературе конца XIX–XX вв.

Подведем итоги. Таким образом, в 1990–2000-е гг. начинается переосмысление русской литературы XX в., которая ранее интерпретировалась в рамках советской нормативной (идеологической) парадигмы, что называлось советским литературоведением. Эта необходимость возникла вследствие введения в научный оборот

трудов русских философов, которые замалчивались до этого времени, публикаций массива недоступных ранее текстов, написанных в метрополии, лагерях, эмиграции. Литературоведение было поставлено в сложную для него ситуацию методологического перевооружения, которую оно само не осознавало. Началось интенсивное изучение русской литературы в христианском аспекте, что породило у исследователей стремление «христианизировать» литературу XX в., вычитать в ней духовные смыслы и традиции.

В данной статье мы попытались выявить актуальные вопросы в этом процессе, выделив три важные проблемы и пришли к следующему: 1. Вписать всю русскую литературу, включая XX в., в христианскую парадигму, увидеть ее единство в рамках национальной духовной традиции (религиозной) не представляется возможным. Возникнув в рамках религиозной духовной традиции, русская литература вышла за ее пределы к концу XIX в., значительно расширив свой арсенал, обогатившись иными возможностями, утратив «христосцентризм» (И. Есаулов) как свое лоно. Это выразилось и в неорелигиозном философско-литературном ренессансе, и в новых течениях и направлениях XX в. (модернизм, авангард, экзистенциальный реализм, постмодернизм). Близость или удаленность художественного произведения от канонических претекстов не определяет художественную значимость литературных произведений национальной словесности. 2. Перед исследователями литературы XX в. стоят серьезные задачи: поиск новых парадигм в изучении истории литературы в христианском аспекте, уточнение терминологического аппарата в анализе многообразных феноменов литературы, проблема выявления и интерпретации важных тенденций ее развития. 3. Одной из серьезных проблем становится и проблема диалога научного литературоведения с религиозным. С одной стороны, нельзя не учитывать опыта изучения русской литературы богословским литературоведением. С другой стороны, нельзя принять их методологические подходы. Процесс изучения конфессиональных аспектов русской литературы ставит перед литературоведением все больше вопросов, связанных с обновлением его методологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Христианство и русская литература*. СПб., 1997–2002. Сб. 1–4.
2. *Святоотеческие традиции в русской литературе*. Омск, 2005.
3. *Проблемы духовности в русской литературе и публицистике XVIII–XXI веков* : материалы Междунар. науч. конф. Ставрополь, 2006.
4. *Любомудров А.М.* О православии и церковности в русской литературе // *Русская литература*. 2001. № 1.
5. *Бронская Л.И.* Духовность в концептосфере русской гуманитарной мысли конца XX – начале XXI века // *Проблемы духовности в русской литературе и публицистике XVIII–XXI веков* : материалы Междунар. науч. конф. Ставрополь, 2006.
6. *Есаулов И.А.* Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1994.
7. *Есаулов И.А.* Пасхальность русской словесности. М., 2004.
8. *Литературная энциклопедия терминов и понятий*. М., 2001.
9. *Егорова Л.П.* Выпускные квалификационные работы по русской литературе. М. : Высш. шк., 2009.
10. *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков*. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1994.
11. *Мартьянова С.А.* Ценностные аспекты русской классики XIX в. в литературоведении XX в. // *Наука о литературе в XX веке (история, методология, литературный процесс)*. М., 2001.
12. *Воронский А.К.* Искусство видеть мир. М., 1987.
13. *Кондаков И.В.* Введение в историю русской культуры. М.: Аспект-Пресс, 1997.
14. *Религиозное литературоведение: обретения и утраты* // *Вестник МГУ*. Сер. 9. 2006. № 3.
15. *Роднянская И.* Христианство и культура // *Движение литературы*. М., 2006. Т. 2.
16. *Бочаров С.Г.* Сюжеты русской литературы. М., 1999.
17. *Дунаев М.М.* Православие и русская литература : в 6 ч. М. : Христиан. лит., 2000. Ч. 6.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 октября 2013 г.